

И.А. Баева

Психология молодежной субкультуры (социально-психологический аспект молодежной политики)

Ирина Александровна Баева — доктор психологических наук, профессор кафедры психологии развития и образования Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, заведующая научно-исследовательской лабораторией «Психологическая безопасность и культура в образовании». Директор образовательной программы магистерской подготовки «Психологическая безопасность в образовании и социальном взаимодействии».

Сфера профессиональных интересов: психологическая безопасность личности и социальной среды.

Имеет более 80 публикаций.

Более 15 лет занимается аттестацией кадров высшей квалификации — член 3-х диссертационных докторских советов по психологии.

Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

«На смену эпохе, не знавшей юности, пришла эпоха, в которой юность стала наиболее ценным возрастом. Все хотят вступить в него пораньше и задержаться подольше».

Ф. Ариес

Проведенные в рамках 2-ой и 3-ей Национальных научно-практических конференций «Психология образования» Федерации психологов образования России круглые столы по проблемам молодежи «Молодежь и риски XXI века» (2005 г.) и «Дети и молодежь в условиях рисков современного общества. Детские и молодежные общественные объединения и социальное служение» (2006 г.) послужили катализатором для размышлений, приводимых в данной статье.

В начале хочу предложить два основных тезиса.

1. Категория «молодежная субкультура», в той или иной форме, всегда присутствовала в жизни человечества. Развитие человеческого рода невозможно без смены поколений. При этом старшие, заботясь о молодых и о себе, создают условия, которые в современном мире получили название «условия для социализации». Сегодня применительно к общественной практике мы говорим о молодежной политике. Таким образом, некорректно говорить о проблемах молодежи в отрыве от общей ситуации развития социальной системы, в которую включены все ее участники. Это всегда взаимоотношения «отцов» и «детей». Молодежную субкультуру нельзя рассматривать вне общего контекста социального, экономического, нравственного, социально-психологического уровней развития общества.

2. Психологические механизмы и причины, лежащие в основе поведения молодых людей, неизменны, меняются лишь формы их проявления и возможности удовлетворения тех потребностей, которые сопровождают путь взросления. Знание их необходимо для создания и совершенствования способов управления процессом социализации молодого поколения, грамотной профилактики рисков и опасностей, которые неизбежны на этом пути.

Известно, что дифференциация, выделение возрастов человека формируется под влиянием социальных институтов, новых форм общественной жизни. Каждый период истории соответствует определенному «привилегированному» возрасту. В литературе можно найти подтверждение тому, что детство — это привилегированный возраст 19 века; юность — 20 века. Что

происходит в XXI веке? Сегодня мы затрудняемся назвать даже возрастной период, который соответствует категории «молодежь».

В российской истории отношение к молодым можно охарактеризовать как особую ситуацию. В культуре ценности молодых часто принимались за главные. Это блестяще показано в романе И.С. Тургенева «Отцы и дети». Остро это проявилось в категории «новые люди» после 1917 года: молодые делали революцию, командовали полками, были комиссарами. Чего стоил известный лозунг «Дети, воспитайте родителей» и воплощение его в «герое», биографию которого изучали все школьники Советского Союза — Павлике Морозове?! Или язык «комсомольско-молодежной стройки»: «Коммунизм — это молодость мира, и его создавать молодым!»? А воспитание детей в отрыве от родителей, ставшее общественно поощряемой практикой? Слом культурно-исторических и психологических традиций не проходит даром.

Общество всегда искало защитные механизмы от бурной энергии молодого поколения. В Античной Греции — молодежь отправляли завоевывать новые колонии; в Англии 17—18 веков — снаряжали на кораблях в Вест-Индию; в России «недорослей» везли учиться в Европу; в Советском Союзе — молодежь поднимала целину, строила БАМ. Общество всегда направляло агрессию и нигилизм молодых вовне. В отечественной общинной традиции было правило — драться допустимо с представителями другой деревни.

Это нашло отражение в народной мудрости, в русских народных сказках. Что делали с подростком молодым человеком? Подросток — иди в тридцатое царство, за тридевять земель, их дракона бить, в другом лесу сражаться. Давали клубочек и говорили: «Иди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что». Юноша должен с чудисцем сразиться, в чужом лесу дракона победить, для позитивной переработки избытка своей молодой энергии через испытания пройти, а потом вернуться и начать царствовать, детей рожать, «жить-поживать и добра наживать».

Социальная миграция молодого поколения, в той или иной форме, поощрялась всеми культурами, иначе молодая энергия может сокрушить старые стены, «молодое вино разрывает мехи, в которое оно налито».

Линия «эпатажа» присуща юношеству в силу его природы, так как молодые не хотят быть похожими на взрослых, им больше нравятся отличия (это уже психологическая закономерность), отсюда поведение, нарушающее общепринятые нормы. В биографии многих достойных людей есть экстравагантные поступки. Будущий декабрист Лунин на спор с товарищами голый скакал на коне по Невскому проспекту. Сегодня панкующие молодые люди с «ирокезами» на

головах и железными шипами на ошейниках несутся по тем же магистралям на Харлеях Дэвидсонах. Тот же механизм — шокировать публику, вызвать бурную реакцию, удивить, показать себя.

Юность — это период «вырывания корней», которые надо «пересадить на новую почву», а вопрос, какой она окажется, должен быть обращен ко взрослому, к обществу, к тому, что будет реализовано на практике как «молодежная политика».

В юношеском периоде жизни завершается физическое созревание, складываются основные черты мировоззрения, подготавливается и осуществляется первое самостоятельное самоопределение — выбор профессии. По-прежнему важны вопросы «кто я?» (социальная сущность) и «какой я?» (психологическая сущность). Мощно развивается механизм самосознания, активизируется ценностно-ориентировочная деятельность. В ранней юности человек становится в позицию наблюдателя по отношению к себе. Часто видит много противоречивого, ответ на главные вопросы невозможен без углубленного самоанализа (если его нет, то можно говорить о задержке личностного развития).

Еще один важный элемент самосознания — самоуважение — принятие себя, удовлетворение собой как личностью. Его можно достичь через самоутверждение, которое может быть социально ценным, социально полезным, социально приемлемым, асоциальным, антисоциальным. Учение — недостаточная форма самоутверждения в юности. Необходимо утвердить себя в поведении (право решать); в эмоциональной жизни (право выбирать привязанности); в морально-ценностной сфере (право на собственный взгляд). К размышлению о социальном служении: что предлагает общество сегодня, как поощряет социальную миграцию молодых?

После детства, с его ограничением свободы, у юности очень много свободы, «много свободных радикалов»: нет собственной семьи, постоянной работы, жизненного опыта, но есть ощущение уникальности, неповторимости и бесконечности своей жизни.

Юношеский возраст — период развития, на который приходится основной кризис идентичности. Интервал между детством и взрослостью, когда человек пытается найти свое место в обществе, был назван И.С. Коном «ролевым мораторием», а Э. Эриксоном — «психологическим мораторием».

Человек выходит в мир, но еще не знает, как себя в нем вести. Можно попробовать многие роли. «Пробующее поведение» — фактически вынужденная форма существования, которая влечет за собой много опасностей (алкоголь, наркотики, другие формы зависимости и т. п.), можно легко социально и нравственно «прогореть». Прохождение кризиса идентичности либо способствует обретению «взрослой идентичности», либо вызывает задержки в развитии, то есть формируется так называемая «диффузная идентичность».

Синдром патологии идентичности — это:

- регрессия к инфантильному уровню, желание как можно дольше отсрочить обретение взрослого статуса;
- смутное, но устойчивое состояние тревоги;
- чувство изоляции и опустошенности;
- постоянное пребывание в состоянии ощущения чего-то, что может изменить жизнь;
- страх перед глубоким личностным общением;
- враждебность и презрение ко всем признанным общественным ролям, вплоть до ролей мужчины и женщины («унисекс»);
- агрессия по отношению к привычному, иррациональная тяга к «другому», «хорошо там, где нас нет».

Стоять «на ветру» взрослой жизни одному очень трудно, в юности человек нуждается во внешней опоре, хотя в большинстве случаев он в этом не признается. Подросток — человек, который вовне демонстрирует максимально противоположное тому, что есть внутри. Вся линия жизненного пути (особенно в его первой половине) может быть образно представлена как отделение от кого-то для того, чтобы присоединиться к «другому».

В период подростничества и юности «другой» — это группа сверстников, таких же, как «Я». Отсюда — разговор о возрастной, в нашем случае — молодежной, субкультуре. Возрастная субкультура — специфический набор признаков и ценностей, по которым представители данного возрастного слоя (или группы) осознают и утверждают себя в качестве отличного от всех остальных возрастных общностей «Мы». В социологии и культурологи под субкультурой в общем смысле понимается система ценностей, установок, способов поведения и жизненных стилей, которая присуща более мелкой социальной общности, в большей или меньшей степени пространственно и социально обособленной. Субкультурные атрибуты, ритуалы — как устойчивые образцы поведения, а также ценности, как правило, отличаются от таковых в господствующей культуре, хотя с ними и связаны [9].

Детская социальная жизнь начинается между тремя и пятью годами. Именно в этом возрасте человек осваивает трудную практику взаимодействия с себе подобными [5]. Сверстник как объект внимания появляется в сознании ребенка после 3-х лет. До этого возраста для психического, личностного развития человека сверстник не нужен, он в раннем детстве «как куличик в песочнице». С трех лет начинается сложный путь обучения общению, сначала в игре, а потом и в других ситуациях. Детская группа — это полигон для освоения человеческих взаимоотношений, усвоения социальных норм. В ней «обучаются» легко, через «считалки» и «дразнилки», подчинение правилам в игре и неизбежное наказание за их нарушение («кто по городу не ходит, тот четыре кона водит»).

В этот период, через элементы детской субкультуры, в жизни человека появляются и первые мо-

ральные принципы. Взрослый может долго объяснять 5-летнему ребенку, что надо делиться с другими конфетами, игрушками, но малышу это сложно понять, так как его когнитивные структуры еще просто не созрели для усвоения нравственных категорий, сформулированных в определенных понятиях. А в детской группе будет просто «дразнилка» «Жадина-говядина, пустая шоколадина» и непринятие в игру, в которой очень хочется участвовать и которая (это ощущается ребенком интуитивно) определяет перспективы его дальнейшего развития.

Я позволила себе это отступление в далекое детство для того, чтобы попытаться найти причины того, что происходит в юности. Кто сегодня может похвастаться тем, что видел во дворе детей, играющих в прятки, догонялки или «казаки-разбойники»? Кто видел девчонок, прыгающих через скакалку, где надо соблюдать очередь, уступить ее другому, если нарушил правило? Загляните в детский сад — детки готовятся к школе, у них мини-игровые уроки. «Умнички» те, кто хорошо читает, умеет писать буквы и складывать последовательности картинок. А заботливый родитель выбирает детский сад, где есть прогимназия.

Я не против раннего интеллектуального развития, подготовки детей к школе, адаптации к поведению в образовательной среде. Я против нарушения психологических законов развития и пропуска известных «сензитивных периодов». Если в силу объективных причин (детей просто нет, чтобы составить дружескую компанию во дворе, а если, и есть, то выпускать одних небезопасно для жизни) исчезла естественная субкультура дошкольного детства, то, может, обществу надо предложить, что-то организованное по-другому, занятия по другим, психологически грамотным программам? Ведь законы психического развития никто не отменял. Сегодня можно, пусть и с некоторой долей полемизма, утверждать: «Дедовщина начинается в детском саду». Буду рада, если у кого-то есть много примеров против такого обобщения. Не усвоив практически на бессознательном уровне, что мнение другого надо уважать, что без этого не бывает успешной совместной деятельности, что, говоря языком недавнего прошлого, есть «неписанные правила человеческого общежития», в последующей части жизни легко понять конкуренцию как необходимость подавления другого, как насилие во всех его проявлениях.

Так, начиная с дошкольного детства, в жизнь человека входит группа, и его действия начинают подчиняться общим для всех людей психологическим законам групповой жизни.

В подростковом и юношеском возрасте общение со сверстниками превращается в смысл существования, и группа становится ведущим фактором развития личности, именно она является носителем социальных норм и одобряемых обществом ценностей. В сегодняшней ситуации большая часть подрастающего поколения в раннем детстве не получила естественного опыта взаимодействия с другими.

Одним из важнейших личностных приобретений человека, регулирующим его поведение, является система ценностных ориентаций, которая также складывается в процессе общения в группе.

Ценностные ориентации — важнейшие элементы внутренней структуры личности, закрепленные жизненным опытом индивида, всей совокупностью его переживаний. Они ограничивают существенное и важное для данного человека от несущественного. В силу этого ценностные ориентации выступают важным фактором, обуславливающим мотивацию действий и поступков человека.

Основным содержанием ценностных ориентаций личности выступают ее мировоззренческие, нравственные убеждения, глубокие постоянные привязанности, моральные принципы поведения. Развитые ценностные ориентации — признак зрелости личности, показатель меры ее социальности. Это призма восприятия не только внешнего, но и внутреннего мира индивида. Это психологическое основание для решения в индивидуальном плане вопроса о смысле жизни, благодаря которому происходит интеграция совокупности ценностей в нечто целостное и своеобразное, характерное именно для данной личности. Именно в силу этого в любом обществе ценностные ориентации оказываются предметом воспитания, целенаправленного воздействия. Когда такое целенаправленное воздействие отсутствует, они будут складываться стихийно под воздействием тех образцов, которые существуют в микро- и макросоциальном окружении. В прошлом религия и мораль обеспечивали критерии, стандарты и цели социального поведения; они указывали, что правильно, а что нет, что плохо, а что хорошо. Родительское воспитание являлось транслятором этих ценностей ребенку. Можно вспомнить содержание детских книжек, которые читались в семье, например, знаменитое «Крошка-сын к отцу пришел, и спросила кроха: «Что такое хорошо, и что такое плохо?»». А дальше в стихотворении Маяковского давался ответ. Что читают сегодня наши дошкольники? Приключения черепашек Нинзя и истории из жизни Покемонов. Кто из них слышал рассказ Л.Н. Толстого «Косточка», где доступно излагается моральный принцип, что обманывать нехорошо? Я не призываю к точному копированию воспитательных образцов прошлого. Я говорю, что законы развития тех или иных психических регулятивных структур у человека не изменились, и важно искать соответствующие рычаги воздействия на них, если предыдущие устарели. Полное же их отсутствие после слома старых порождает хаос. Давайте вспомним высказывание А. Маслоу, что ребенок не может жить в ситуации хаоса, он нуждается в упорядочивании представлений о мире. Давайте не забывать отечественных классиков — культурно-историческую концепцию развития высших психических функций Л.С. Выготского.

В течение последних 15-ти лет в нашей стране произошли резкие изменения в социальном развитии и одновременно мощное изменение социальных ценностей, что не могло не сказаться как на уровне общественного сознания, так и на индивидуальной системе ценностных ориентаций отдельного человека. На социально-психологическом уровне произошел распад большинства устойчивых социальных групп, которые обеспечивали процесс социализации человека. На конкретного индивида легла ответственность за выбор на всех серьезных направлениях, а социальная почва, тиражирующая образцы социально приемлемого поведения и систему мировоззрения, оказалась «выбита из-под ног». Демократический вызов, в условиях которого мы живем, требует целенаправленной перестройки системы воспитания подрастающего поколения с учетом реалий сегодняшнего дня.

Включенность в группу является внутренней потребностью молодого человека, поэтому идет активный поиск группы — как образца для сравнения и как источника социальных норм. Психологическая же активность данного периода связана с постоянной переоценкой ценностей, которая осуществляется в процессе общения с ближайшим социальным окружением.

В данной публикации мы остановимся на двух основных социальных опасностях, поджидающих молодого человека в процессе общения со сверстниками. Этими опасностями являются неформальная молодежная субкультура и криминальная субкультура.

Как же влияет молодежная субкультура на изменение личности молодого человека? Что способствует превращению молодежной субкультуры в контркультурную среду?

Общение в неформальной молодежной среде

Одной из форм воплощения молодежной субкультуры являются неформальные молодежные объединения (НМО). НМО — это группа людей, осуществляющих общую деятельность, имеющих специфическую систему ценностей и связанную с ней модель поведения, выразительную систему атрибутов, стиль общения, определяемый сюжетом, ритуалами принятия новичков, посвящения, исключения, особенностями ролевого поведения¹. Главная функция неформального объединения — стремление к самореализации, субъектному воплощению. Молодежную культуру, как культуру определенной возрастной группы, характеризует эмоционально-нравственное самоутверждение молодежи наряду с поиском развлекательного содержания под воздействием групповых стереотипов отношений, установок и интересов

«Неформалитет» сегодня — это общность на базе нетрадиционных целей, интересов, потребностей,

¹ Мы предлагаем данное определение, основываясь на работах А.С. Запесоцкого, А.П. Файна, С.В. Ненашева, В.П. Пирожкова.

наличие собственной субкультуры, не интегрируемой, как правило, в официальные социальные институты. Ценностные ориентации, объединяющие участников неформального молодежного объединения, часто не совпадают с принятыми в обществе, а иногда открыто ему противостоят. Именно ценности прежде всего и трансформируются в сознании человека.

Какова динамика и содержание таких изменений? Чтобы ответить на данный вопрос, нужны массовые психологические исследования, которые пока не проводятся. Можно лишь однозначно отметить, что ценности становятся более агрессивными. Подчас чувствуется «опытная рука», которая их транслирует, эксплуатирует определенные психические механизмы развития молодежи для достижения собственных целей, при этом количество экстремистских объединений растет очень быстро.

После выхода из движения многие его участники испытывают «своеобразное пресыщение демонстративными и бунтарскими формами поведения. Многократно проигранное противопоставление себя обществу снимает подростковые комплексы» [8, с. 62]. Однако, это справедливо лишь для тех, кто находится на периферии движения. Более глубокая и длительная включенность как раз и подразумевает усвоение, интериоризацию системы ценностей, изменение мировосприятия, что определяет трудности в последующем возвращении в социум, предполагает лишь частичную адаптацию, а иногда и отсутствие возможности адаптации вообще. Последнее более характерно для сегодняшней ситуации, так как практически отсутствует механизм общественной жизни, способствующий включению в социум тех молодых людей, кто имеет затруднения в социальной адаптации.

Интересный материал для исследования компонентов мировосприятия дает творчество, продукты интеллектуальной деятельности участников некоторых молодежных движений, где многие активно пишут стихи и песни. Я приведу здесь только одно стихотворение, подаренное мне студенткой, относящей себя к хиппующей молодежи:

*Мы шли домой, а пришли в никуда,
Мы искали звезду, а нашли пустоту,
Мы ушли в этот мир, где ждала нас беда,
И уже в суете нас с ума не сведут.*

*Мы стреляли в людей, а попали в себя,
Мы пронзали тоску, а убили любовь,
Сразу всех ненавидя и всех же любя,
Мы опять родились, и мы умерли вновь.*

*И не зная беды, и не зная мечты,
И не веря в удачу, о прошлом забыв,
Мы сжигали мосты, мы срывали цветы,
Мы, наверно, вернемся в канун всех святых.*

*На прокурных лестницах, в пропитой мгле
Мы оставили след на пустынной земле,
И в кричащей тоске полутемных дворов,
Пыль сдувает рассвет с опаленных хайров.*

*На ненужной планете, в слепой суете,
На полуночных кухнях, в забытой мечте,
Вверх по лестнице — в небо, в космический ад,
Поднимаемся мы, не рожденный отряд.*

*А свеча догорает, и воск на руках,
Только страх убивает неверия в страх,
И я знаю, никто не прикажет мне: «Стой!»
Это значит, что я возвращаюсь домой.*

Это произведение было ответом на вопрос: «Расскажи, какие вы, как вы видите мир, каковы ваши ценности, каков стиль общения?»

Что же происходит со взглядом молодого человека на мир? Он меняется, если человек принимает систему ценностей, существующую в неформальном объединении. Конкретный набор ценностных ориентаций различен в каждой из неформальных групп. Сравните: хипповское «все, что тебе нужно — это любовь» и панковское «жизнь — дерьмо, будущего нет», добавьте сюда ценностные ориентации рокеров или металлистов, экстремистские взгляды «бритоголовых», мировоззрение участников «Ассоциации ролевых игр», а также тех, кто проводит фестиваль «Пау-Вау», возрождая культуру индейцев в пригороде Петербурга. На первый взгляд, кажется невозможным говорить о едином направлении изменения ценностей под влиянием участия в контркультурном неформальном молодежном объединении. Но более пристальный анализ позволяет отметить и общие тенденции.

Это, прежде всего романтизация саморазрушения, «раскраска» обыденности, поддержка и одобрение всех действий, разрывающих связи человека с нормальным социальным окружением, то есть фактически *отрицание реальности*. Далее, можно говорить об обесценивании жизни как таковой от ироничного отношения до одобрения суицидального поведения. Можно отметить также и отсутствие временной перспективы, обращенной в будущее. Смысл существования не простирается в будущее, а ограничивается тем, что происходит сейчас, в данный конкретный момент.

Последняя особенность значительно затрудняет возможности адаптации к социальной жизни, так как у человека нет опоры в будущем, того, ради чего нужно прилагать усилия и преодолевать препятствия. Добавив сюда механизмы заражения и подражания, облегчающие задачу выделения из окружающей среды, которые активно запускаются в групповой деятельности, стихийный неконформизм юности, мы получаем веские основания для утверждения, что участие в контркультурном неформальном молодежном объединении значимо изменяет систему ценностей молодого человека, воздействуя также на способы поведения, стилевые характеристики общения и т. п.

Общение в криминальной подростковой субкультуре

Еще одним мощным фактором, влияющим на личность и поведение молодого человека, является криминальная субкультура. Возникнув, криминальная субкультура охватывает своим влиянием подрастающее поколение, взламывает официальную культуру, деформируя ее. Особенно важно подчеркнуть, что криминальная субкультура привлекательна для подростково-юношеской среды в связи с их возрастными особенностями и ее отчуждением от официальной культуры. А транслируемые через средства массовой информации, практически одобряемые образцы криминального поведения значительно усугубляют это влияние.

Криминальная субкультура способствует существованию криминальных групп, цементируя их своими ценностями и нормами, то есть активно влияя на сознание. Сама же криминальная субкультура, по определению В.Д. Пирожкова, — это своеобразная цивилизация со своей системой ценностей, в которой все компоненты находятся в строгой системе, соподчинены, взаимодополняют и взаимообуславливают друг друга. Это совокупность духовных и материальных ценностей, регламентирующих и упорядочивающих жизнь и преступную деятельность криминальных сообществ, что способствует их живучести, сплоченности, активности и лабильности, преемственности поколений. Основу криминальной субкультуры составляют чуждые гражданскому обществу ценности, нормы, традиции, различные ритуалы, стили общения [6, 7].

Ее социальный вред заключается в том, что она уродливо социализирует личность, стимулирует ее противоправное поведение и является механизмом «воспроизводства» преступности в молодежной среде, а психологический вред — это провоцирование отклонений в характеристиках общения, специфическое восприятие себя, других людей и мира в целом.

В данном контексте можно отметить следующие особенности криминальной субкультуры: попрание прав личности, выражающееся в агрессивном, жестоким и циничном отношении к «чужим», слабым и незащищенным; отсутствие чувства сострадания к людям, в том числе и к «своим», нечестность и двуличие в отношении «чужих»; паразитизм, эксплуатация «низов», глумление над ними; обесценивание человеческого труда; поощрение низменных инстинктов и любых форм асоциального поведения.

Однако степень сформированности криминальной субкультуры, ее влияние на личность и группу бывает различной. Она встречается в виде отдельных, не связанных друг с другом элементов; может получать определенное внешнее оформление (ее «законы» играют существенную роль в регуляции поведения личности и группы); наконец, она способна доминировать в данном заведении (микрорайоне, населенном пункте), полностью подчиняя своему влиянию как криминальный контингент, так и законопослушных подростков и юношей.

Эмпирические признаки (критерии) степени сформированности и действенности криминальной субкультуры в молодежной среде учебного заведения, населенного пункта могут быть представлены в следующей классификации [6].

Признаки, характеризующие межгрупповые отношения и групповую иерархию:

- наличие в учреждении враждующих между собой группировок и конфликтов между ними;
- жестокая межгрупповая стратификация с делением людей на «чужих» и «своих», а «своих» — на касты;
- наличие разнообразных привилегий для «элиты»;
- распространенность ритуалов, «прописки» новичков.

Признаки, характеризующие отношение к слабым, к «низам» и «отверженным»:

- факт появления «отверженных» («неприкасаемых»);
- клеймение вещей и предметов, которыми должны пользоваться только «неприкасаемые»;
- подверженность «отверженных» поборам и вымогательству;
- распространение специальных способов понижения социального статуса;
- распространенность симуляции болезней и членовредительства среди «низов».

Признаки, характеризующие отношение к режиму и воспитательной работе:

- групповые нарушения режима учреждения и неповиновение;
- групповые побеги, уход из дома, бродяжничество;
- уклонение «авторитетов» от «грязных» работ;
- уклонение от учебных занятий, собраний, воспитательных мероприятий;
- отказ от работы в официальном активе и двурушничество;
- проявление актов вандализма.

Признаки, характеризующие проведение свободного времени:

- распространение азартных игр;
- распространение тюремных способов досуга, сочинение тюремной лирики и изготовление тюремных поделок;
- групповое употребление токсических и наркотических веществ;
- распространение употребления чифиря.

Признаки, характеризующие способы общения, опознания и связи:

- наличие кличек как средства стигматизации;
- распространенность татуировок как знаковой системы общения, опознания «своих» и стигматизации;
- распространение уголовного жаргона и других способов общения, принятых в уголовной среде.

Эти критерии могут помочь психологам, социальным педагогам, родителям оценить криминальность субкультуры в молодежной среде образовательного учреждения, с одной стороны, а с другой — являются внешними признаками деформации личности.

На изменение сознания молодых людей влияет, прежде всего, «философия» уголовного мира, оправдывающая совершение преступлений, отрицающая вину и ответственность за содеянное, камуфлирующая низменные побуждения «возвышенными» мотивами: в насильственных преступлениях — чувством коллективизма, товарищеской взаимопомощи, обвинением жертвы и т. п.; в корыстных преступлениях — идеей перераспределения имеющейся у людей собственности, ее присвоения с самыми разнообразными «позитивными» целями.

Важное место в криминальной субкультуре занимают мифы (уголовная мифология), насаждающие среди подростков и юношей образы «удачливого вора», «смелого разбойника», «несгибаемого парня», культивирующие «воровскую романтику», идею «воровского братства», «воровскую честь» и активно воздействующие на мировосприятие.

К факторам, влияющим на характер общения в криминальных группах, можно отнести также ритуалы, традиции и остракизмы.

Подростков и юношей привлекает в криминальных группах и то, что жизнь в этих сообществах обставляется ритуалами, которые, обладая большой заразительностью, делают эмоционально привлекательными многие нормы антисоциальной среды. В качестве же механизма преемственности, устойчивости сложившихся в криминальной субкультуре отношений, поддерживающих отклоняющееся поведение участников, выступают традиции. Как и в обычных социальных общностях, криминальные традиции являются продуктом социального взаимодействия и фактором, регулирующим поведение членов группы и межгрупповые отношения. Чаще всего, форму традиций принимают нормы криминальной субкультуры. При этом традиции, сложившиеся в криминальных группах, отличаются, с одной стороны, всеобщностью, с другой — определенным своеобразием, свойственным лишь данной группе.

Остракизм, существующий с древних времен (изгнание людей из племен, общества, государства, с работы), особенно широко распространен в криминальной субкультуре. Методы остракизма извечны: вначале дискредитировать личность, деперсонализировать, а затем потребовать убрать ее из коллектива. Остракизм имеет «нормативную» основу и четкую процедуру исполнения. Опасность остракизма заключается в том, что он получает все большее распространение в среде молодежи, проникая на поведенческом уровне в структуру общения. Подростки и юноши хорошо информированы о способах деперсонализации, применяемых в криминальной среде, о процедурах и механизмах остракизма.

Так, ритуал с элементами остракизма под названием «прописка» — процедура принятия новичков в уголовную среду, присутствует и в других группах (например, в армейской среде), входя в характеристику ценностей их участников, меняя систему мировосприятия.

Существование «своего» языка (военного, спортивного, медицинского и т. п.) — психологическая закономерность функционирования различных социальных и профессиональных групп, значимый показатель содержания ментальных структур и, одновременно, факторов, влияющих на общение в целом. В криминальном мире также есть «свой» язык — уголовный жаргон. Функции уголовного жаргона: разрешение коммуникативных ситуаций, связанных с преступной деятельностью; средство самоутверждения; иерархическая диагностика; персонализация и деперсонализация в уголовной среде. Уголовный жаргон подростков и юношей обладает своей спецификой. В силу особенностей возраста они активно преобразуют словарный состав, легче его усваивают, интенсивнее употребляют. Отсюда и более сильное воздействие на изменение интеллектуальных структур. Уголовный жаргон служит базой существования криминальной субкультуры, обеспечивая преемственность законов, традиций и «духовной» жизни криминального мира. Крайне опасно проникновение его элементов в повседневную жизнь, так как использование такой терминологии непосредственно влияет на изменение стиля общения и поведения в сторону его девиантности. А когда подобное явление становится нормой выступления с высокой официальной трибуны, то остается только произнести сакральное «без комментариев» и очередной раз сожалеть об отсутствии у нашей управленческой элиты знаний психологических законов и нежелании прогнозировать последствия своих слов и действий.

Криминальная субкультура по своей сущности агрессивна. Она вторгается в официальную культуру, девальвируя ее нормы, насаждая в ней свои правила, ценности, атрибутику.

Резюме

Ценности и атрибутика контркультурного неформалитета и криминальной субкультуры создаются с максимальным учетом возрастных особенностей подростков и юношей, что делает их привлекательными для них. Анализ собственного опыта работы с молодежью и обобщение исследований (к сожалению, немногочисленных) в русле данной проблематики позволяют выделить психологические причины и некоторые механизмы влияния девиантных групп на личность как в неформальной молодежной контркультуре, так и в криминальной субкультуре.

1. Нормы и ценности субкультуры *максимально учитывают психические состояния возрастного одиночества подростков* как одного из важнейших элементов кризиса идентичности, поиска своего «Я». Одинокий среди взрослых и законопослушных, а так-

же среди слабо сплоченных групп сверстников, лишенный всесторонней защиты от притязаний окружающих, включаясь в криминальную или асоциальную группу подросток немедленно приобретает реальную физическую, психологическую, моральную и материальную защиту от тех, кто в эту группу не входит. Это коренным образом меняет его самочувствие и формирует уверенность, что никому из «чужих» не удастся его обидеть и притеснить.

2. Включаясь в контркультуру, субкультуру с ее нормами и ценностями, несовершеннолетний получает *широкое поле для самоутверждения, самореализации своего «Я» и компенсации тех неудач (комплекса неполноценности), которые постигли его в обществе*. Здесь его никто не упрекает за получаемые на уроках двойки, пропуск занятий и т. п. При этом в преступной среде максимально реализуется стремление подростка к самостоятельности («выбиться в люди»), поскольку занять соответствующую ступень в уголовной иерархии можно, опираясь только на собственные силы и способности — ни родители, ни «связи» в обычной среде здесь не помогут.

3. В таких сообществах не существует двойной морали (официальной и неофициальной). Поэтому, как ни странно, нормы и ценности контркультуры подросткам кажутся наиболее справедливыми, истинными, благородными. Действительно: дал слово — держи, сел играть в карты — играй честно, имеешь долг — вовремя верни, что добыл преступным путем — все отдай в «общий котел» и т. п. А если нарушил какое-то правило — пеняй на себя: кара последует немедленная и беспощадная.

4. Сам процесс общения и деятельности оказывается для несовершеннолетнего привлекательным, поскольку включает элементы социального и физического риска, осуществляется в самых разнообразных экстремальных ситуациях; окрашен ореолом романтики, таинственности и необычности. А в законопослушной среде подростка со всех сторон окружают физические, моральные и психологические барьеры: того делать нельзя — опасно для жизни, этого делать нельзя — неприемлемо для окружающих и т. п.

5. В данной среде сняты все моральные ограничения, так «стесняющие» поведение и общение подростка в законопослушном обществе. Зато сформирована своя мораль — более доходчивая и убедительная. При этом отсутствуют запреты на любую информацию, прежде всего — интимную. Если учесть, что это возраст полового созревания, то лишение в официальном обществе подростков этой информации — своеобразное преступление перед ними.

6. Ценности и нормы контркультуры способны быстро распространяться в молодежной среде, поскольку подростки и юношество бывают увлечены их внешне броскими атрибутами и символикой, эмоциональной насыщенностью норм, правил, ритуалов. Все подростки стремятся выделиться из общей

среды одеждой, различными символами (в виде наклеек, наклеек, брелков, серег, колец и т. п.). Главное здесь в том, что они им не навязаны, а изобретены самими подростками, и тем для них дороги и привлекательны.

Молодежная контркультура, в том числе и криминальная, — реальный феномен. Ее ценности являются важными регуляторами индивидуального поведения, обладают высочайшей степенью референтности для молодых людей в силу действия механизмов подражания. Влияние ее на общение и мировосприятие молодого человека бесспорно.

Снизить социальный и психологический вред такого воздействия — одна из задач системы образования. Помощь в решении этой задачи может оказать психологический анализ. Основным событием отрочества является «второе, экзистенциальное рождение души». Оказавшись в ситуации экзистенциального конфликта и переживая заброшенность, страх и одиночество подросток, юноша начинают «решать задачу на смысле» то есть искать смысл своего существования, строить собственную систему координат. Максимализм, глобальность мышления, особенности взгляда на мир проявляются в том, что мнения, высказанные под влиянием чувств, принимаются за суждения; суждения отдельно взятого человека принимаются за нормы жизни в обществе; события, происходящие в социальной сфере, переносятся в сферу духовную, на их основе молодой человек стремится создать универсальную теорию бытия — таковы основные особенности развития в данном возрастном периоде.

В. Франкл считал, что для того, чтобы те или иные ценности стали видимыми, необходимо «определенное субъективное состояние» [10]. Субъективное же состояние подростка препятствует тому, чтобы он открылся миру с его смыслами и ценностями — слишком подросток поглощен тем, что происходит с ним самим. Таким образом, можно предположить, что ситуации, происходящие в социальной сфере, подросток переживает на духовном уровне, как экзистенциальные проблемы. Выйти из экзистенциального конфликта подросток пытается путем обретения смысла собственного существования.

Вероятно, что молодой человек пытается удовлетворить потребности духовной сферы, замещая их удовлетворением потребностей той сферы, где у него есть наиболее позитивный опыт. Например, может сделать смыслом своей жизни и системой координат свои сексуальные успехи, либо эмоциональную жизнь, либо успех в социальной сфере. Что происходит, если он получает отрицательный опыт в той сфере, которая стала для него смыслом жизни и системой координат? Можно полагать, что он переживает состояние экзистенциальной фрустрации — невозможности обрести смысл собственного существования. Как выйти из этого состояния? Можно попытаться создать новую систему координат, осво-

ив другую сферу своей жизни — это **позитивный выход**, то есть происходит изменение субъективного состояния, при котором те или иные ценности станут «видимыми» молодому человеку.

Но возможен и другой вариант, когда во всех сферах жизни (телесной, эмоциональной, когнитивной, социальной и духовной) у человека есть негативный опыт, а общество не способствует приобретению позитивного. В данном случае возникшее состояние фрустрации может привести к тому, что юноша откажется «решать задачу на смысл», произойдет «регресс к принципу удовольствия» (по В. Франку), уход в иллюзорно-компенсаторную деятельность либо переживание бессмысленности собственного существования актуализируются переживания одиночества, беспомощности, страха. Это **негативный выход**, последствия которого эксплуатируются контркультурой, дивантными группами. Создатели тоталитарных культов и экстремистских группировок выступают как хорошие практические психологи. Это — «преступный вызов практической психологии» [4].

Задача социального мира помочь подростку и юноше пойти по позитивному пути.

Конечно, после вопроса «кто виноват?» полагается ответить на вопрос «что делать?». Задача данной публикации — призвать психологическое сообщество и социальные структуры к необходимости совместного поиска ответов, прежде всего, на последний вопрос.

В рамках своей психологической компетентности, я отвечаю так: необходимо обеспечивать психологическую безопасность социальной среды как необходимое условие позитивного психического развития человека. В созданной и апробированной концепции психологической безопасности образовательной среды [1] выделены следующие показатели: референтная значимость среды; удовлетворенность потребности в лично-доверительном общении и психологическая защищенность от насилия. Мы предлагаем и психологические технологии по их созданию [2, 3].

Хорошо отдаю себе отчет, что «волшебного» простого рецепта для решения столь сложной проблемы нет. Она требует комплексного подхода: соединения научных, практических и организационных усилий. Твердо уверена лишь в том, что среда, не обеспечивающая защищенность, пораженная насилием, будет подталкивать человека к поиску других «сред своего обитания». Это может быть «пассивный уход» — отказ ребенка, подростка включаться в жизнь образовательной среды, где он не чувствует себя в безопасности. Это может быть «активный уход» — побег из дома, из семейной среды, где он подвергается насилию (наличие «армии беспризорных детей» в стране, где не идут военные действия, — страшное тому доказательство). Это может быть «трагический уход» — суицид (число которых среди молодых людей, по данным статистики, растет).

Выводы

1. Молодежная политика может создаваться только в соединении с грамотным, системным психологическим сопровождением, игнорирование психологических законов возрастного развития может иметь серьезные социальные последствия. Если сегодня мы можем говорить о рисках и перспективах развития молодого поколения, то опасность завтрашнего дня — риск для позитивного развития социального сообщества в целом.

2. Необходимы масштабные социологические и социально-психологические исследования по проблемам молодежи. Уже сегодня есть данные, которые позволяют утверждать, что картина мира, сутью которой является насилие, складывающаяся в голове у подрастающего поколения, воспринимается как норма.

3. Необходимо внедрение практических программ, обеспечивающих безопасность молодежной субкультуры, основанных на данных комплексных научных исследований. Психологические аспекты безопасности в данных программах должны выступать как системообразующие.

Стратегия молодежной политики должна распространяться на более ранние этапы жизненного пути взрослеющего человека и иметь преемственность с воспитательной и психологической поддержкой на предшествующих этапах онтогенеза.

Литература

1. Баева И.А. Психологическая безопасность в образовании. — СПб, 2002.
2. Баева И.А. Тренинги психологической безопасности в школе. — СПб, 2002.
3. Обеспечение психологической безопасности в образовательном учреждении: практическое руководство / Под ред. И.А. Баевой. — СПб, 2006.
4. Волков Е.Н. Преступный вызов практической психологии. // Журнал практического психолога, 1996, №2.
5. Осорина М.В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. — СПб, 1999.
6. Пирожков В.Д. Криминальная субкультура: психологическая интерпретация функций, содержания, атрибутики. // Психологический журнал, 1994, том 16, №2.
7. Пирожков В.Д. О психологических причинах воспроизводства подростковой преступности // Психологический журнал, 1995, т. 16, №2.
8. Розин М. Психологические ловушки контркультуры. // В кн.: Современные тенденции молодежной социализации: наблюдения, оценки, суждения. — М., 1992.
9. Сергеев С.А. Молодежные субкультуры в республике // Социологические исследования, 1998, №11.
10. Франкл В. Человек в поисках смысла. — М., 1990.